

Вечерний Новосибирск
г. Новосибирск

21 февраля 1986 г., № 44.

встреча по вашей просьбе

ДОБРЫЙ СВЕТ
ДЕТСТВА

В своей жизни Инна Владимировна Макарова получила много писем. Ей, народной артистке СССР, лауреату Государственной премии СССР, писали большие режиссеры, знаменитые писатели, благодарные зрители — почитатели ее талан-

та. А эти и адресованы-то были не ей, и штемпели на них давно выгорели, но стоило прочесть первые слова, как вспоминалось все, до последней строчки и подписи.

Мы сидим в современной московской квартире на Украин-

ском бульваре. За окном — снегопад, сказочная погода. Но Инна Владимировна не любит-ся ею, она «читает» в своей памяти письма студийцев с фронта своим друзьям, оставшимся в родном Новосибирске.

«Я часто мечтаю о том дне, когда мы вернемся с фронта и соберемся к вам в студию. На этой встрече, на этом празднике Победы, празднике искусства и молодости, празднике исполнения желаний, мы будем чествовать Вас, нашу учительницу... И первое слово представится нам, «патриархам» ДХВД — Кеде, Несмелову, Никульнову. Возьмите меня, Валентина Викторовна, в Немировичи-Данченко! Крепко-крепко целую Вас, любящий и верный ученик Толя Никульнов».

ДХВД — эту аббревиатуру в годы войны знали в Новосибирске многие. Дом художественного воспитания детей был, по существу, подлинной школой творческого, гражданственного становления. Это не громкие слова и не преувеличение. Руководитель одной из его студий — драматической — Валентина Викторовна Кондратенко-Петухова, человек талантливый и энергичный, — всю свою жизнь посвятила воспитанию творческой молодежи. Покидая стены ДХВД, И. Макарова, как и многие выпускники, писала своей учительнице. Ее ответными письмами — строгими, горячими, равнодушными — она меряла свои поступки. Это были послания самого детства. Взрослого военного детства...

Инна Владимировна признается:

— Знаете, я иногда по ночам бегу по ступенькам нашей студии. Она располагалась в здании ТЮЗа. Был там и радиокомитет, где работали мои родители. Бегу, как тогда, в сорок втором, на улице проваливаясь в сугробы, неуклюжая, в валенках, ушанке, шали, завязанной поверх пальтишка, прижимая к груди тетрадку с ролью.

Занятия часто начинались с писем, которые старшие студийцы присылали с фронта. «Прошу сообщить, дорогая Валентина Викторовна, о всех делах нашего театра. Какие вещи репетируете? Кто из наших студийцев играет? Передайте им мой гвардейский фронтовой привет... Я не могу жить без театра! Разрешите мне надеяться, что я смогу после войны занять хоть ничтожное место в нашем театре. Ваш ученик Игорь Попков».

Тогда в холодной студии девочка Инна слушала эти строки, и не верилось, что с этими мальчишками совсем недавно они ходили на елку, получали подарки, а теперь Миша Пушкарев, Миша Контелов, Боря Сухов, Ленья Чевашев сражаются не на сцене. И не все из них вернутся...

Теперь, через сорок лет, Инна Владимировна отвечает на те письма:

— Как выразить благодарность, ребята, вечную, неизбывную боль перед могилами тех, кто не сыграл свою роль на сцене, но сыграл главную роль в нашей Победе?

Сколько я видела после войны могил на нашей и на чужой земле! И каждый раз, читая надписи: «год рождения 1923, 1924, 1925-й», — я думаю: «Это все вы, наши старшие ребята. И ничего нет более святого, чем ваша оборвавшаяся юность».

Первая роль И. Макаровой в кино — Любовь Шевцова в «Молодой гвардии». Я убеждена, что не только современники премьеры 1949 года, но и нынешнее поколение при одном упоминании этого имени представляют юное озорное лицо, ямочки на щеках, порывистые движения, широко распахнутые глаза, как вызов мракобесию и злу, и голос — звенящий, падающий, как чистые капли росы с сорванного лепестка.

— Во время съемок в Краснодаре у меня в ушах все время звучала музыка Шостаковича. — Инна Владимировна снова уносится мыслями в то далекое время. — Впервые, щемяще и сокрушающе, музыка Дмитрия Дмитриевича обрушилась на меня в Новосибирске.

Мы с Ниной Мамаевой и Идой Гуринович, нашими студийками, шли по площади. Из репродуктора раздались первые звуки оркестра Мравинского. Седьмая симфония, созданная в осажденном городе и с нарастающей силой убеждающая нас в Победе, была каким-то чудом. Сразу верилось, что все, о чем мечтаешь, чего ждешь, осуществится. Эту веру я старалась передать и в роли.

— Много лет спустя, будучи на фестивале музыки и кино в Эдинбурге, я услышала Шостаковича. Мы аплодировали Дмитрию Дмитриевичу. А я вспоминала новосибирскую военную зиму, площадь, Седьмую симфонию, гремющую из репродуктора, и чувство силы, ожидания радости и победы.

Чуткость, долг и, прежде всего, чувство ответственности перед народом, перед временем было и остается камертоном творчества и всей жизни И. Макаровой. С того актерского

и гражданского крещения в дни первой военной осени в Новосибирске.

Вот как вспоминает об этом Инна Владимировна:

— Состоялся первый выезд в госпиталь. Привезли «Тартюфа», где я играла Дорину. В госпитале, преимущественно лечились те, кто был ранен в лицо. На дворе было еще тепло, и у открытых окон тоже расположились зрители.

В каком-то эпизоде я посмотрела в окно и вздрогнула — через стекла смотрели... маски. Неживые лица с молчаливыми горящими глазами. Увидев мое оцепенение, одна маска подмигнула мне — мол, не тушуйся, — а розоватая кожа лица почти не двигалась.

Оторвавшись от писем, Инна Владимировна задумчиво смотрит в окно. Там — ранние зимние сумерки. Даже сквозь снегопад пробиваются праздничные хороры огней.

— Знаете, — произносит она, — в этих письмах, как и во всей нашей жизни тогда, все было высоко, не признавались полумеры. Ощущение силы искусства прибавляло силы в жизни. Красота искусства помогала защищать красоту жизни. Оно помогает мне и сегодня так же, как когда-то в детстве.

Мой главный после Валентины Викторовны учитель Сергей Аполлинариевич Герасимов говорил: «Добрый быть выгодно». Действительно, чем больше мы отдаем, тем богаче становимся сами. Многие мои героини щедро одарены высокой нравственной силой, самоотверженной способностью к активной доброте. В этом, я думаю, ясность нашего сложного времени, в этом — крепость нити, связывающей поколения.

Фильму «Молодая гвардия» — без малого сорок лет. Когда готовилась его новая редакция, Инна Владимировна, как и все участники съемочной группы, очень волновалась: как примет их прочтение романа нынешнее молодое поколение.

Премьера проходила в студенческом клубе. Когда зажегся свет и «молодогвардейский» курс, как называют учеников С. А. Герасимова, участвовавших в этой картине, в полном составе пошел по проходу, в зале встали и стоя аплодировали парни и девочки в джинсах и стрейт-джедских куртках. Аудитория была другая, но оставалась неизменной в главном.

О. КАСАТКИНА.

Фото на память новосибирцам сделал В. Помигалов.